

думать, что разных держав посланники, а именно французский, английский, португальский и русский», могли его рекомендовать, не зная о его происхождении,³⁵ А. М. Обрескову был послан приказ узнать «о предъявлениях Эмина и о родственниках его в Константинополе находящихся».³⁶ После же ответа Обрескова, посоветовавшего держать Эмина подальше от турецких дел и выразившего сомнение в полезности «выходцев и разкащиков» подобного толка,³⁷ карьера Эмина в Коллегии была предрешена. Несмотря на то что 11 июля 1761 г. его все же принимают на службу,³⁸ ему не удастся в дальнейшем, даже после многочисленных прошений,³⁹ подняться по служебной лестнице выше звания переводчика «поруческого чина» до самого своего ухода из Коллегии в 1763 г.⁴⁰

Не получив ожидаемых чинов и денег, Эмин тем не менее старался поддержать репутацию сына алжирского вельможи. С восхитительной откровенностью рассказывает об этом в одном из его романов: «Место, при котором я находился, было весьма знатное; и как при оном месте находящиеся люди были почти все

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 3 об.

³⁷ «Мать вышедца турченина, в Лондоне греко-российской закон приняшаго, о коем в канцелярской цидуле Государственной коллегии иностранных дел от 12 минушшаго июля упоминаетца, по разведованию слышно пред несколькими месяцами умерла; потому письмо его у меня находитца, да и прочия к свойственникам и знакомцам его доставить воздержался, не видя никакой нужды для него в подобной переписке, когда он христианский закон принял и по смерти его в Империи вашей остатца намерен. А к тому же она переписка могла бы возбудить любопытство знать, где он находитца, и по открытии настоять и меня беспокоивать о освобождении его. Какого же он состояния, то я с точностию ничего сказать не могу, но сколько эксперименция показывает, в подобных выходцах и разкащиках весьма редко бывает. Почему, когда ваше императорское величество всемилостивейше повелеть соизволите в высочайшую вашу службу принять, по малой мере сколько мне слабейше кажетца, надлежит держать его в совершенном отдалении не токмо от всяких дел до здешней державы касающихся, но и от границ, и всякое письменное сношение воспретить и воспрепятствовать» (АВПР, ф. Сношения с Турцией, 1761 г., оп. 89/1, ед. хр. 3, л. 137 об.—138. Ср.: Арзуманова М. А. Новое об Эмине. — Русская литература, 1961, № 1, с. 183).

³⁸ ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 2.

³⁹ В 1762 г. он подает челобитную на имя Петра III, где просит дать ему чин капитана-поручика и 400 рублей в год, а иначе «турецкий народ», узнав, в каком бедственном положении находится их полковник, утратит свое «доброхотство к обращению», вместо того чтобы «спешить» к православной вере и российской службе (Арзуманова М. А. Новое об Эмине, с. 182). 11 июля 1763 г. Эмин снова сообщал Коллегии, что он изучил русский язык, «сколько силам и возможности было сходственно», и просил или определить ему жалованье в 400 рублей, или уволить его, чтобы он смог подыскать себе подходящее место (ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 3 об.).

⁴⁰ Эмин был уволен из Коллегии в конце июля 1763 г. с обычным аттестатом, где говорилось, что он «при помянутой Коллегии поступал добропорядочно» (ААН, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 6/1, л. 3 об.).